

*Dear friends, cari amici, chers amis, дорогие друзья,
liebe Freunde, queridos amigos.*

*Permettez-moi de mélanger un peu de tout – style, langue,
sujet et forme en m'adressant à vous.*

*Ce bouquin a été conçu pour commémorer, fêter, vivre
ensemble le 90e anniversaire de mon père.*

*Nous, qui sommes tous dispersés dans de différents coins
du monde, nous sommes néanmoins et malgré tout réunis
sous cette belle étoile de l'amitié qui nous lie à «Zino». Quel que soit notre système, notre religion, notre nationalité, notre langue, notre culture ou notre point de vue, nous avons tous gardé dans notre cœur cet homme aux yeux éclatants, avec ce sourire ouvert et pur d'enfant, cet esprit tranchant, ce père qui nous manque énormément dans chaque virage de la vie.*

В этом году Сан-Саньчу исполнилось бы 90 лет. Пусть все те, чьи статьи, мысли и письма не попали в настоящий сборник, не огорчаются – ведь у нас еще 100-летний юбилей впереди! К сожалению, не было возможности за столь короткий срок сделать более тщательный подбор, а так хотелось бы собрать всех добрых друзей, всю теплоту и дружбу в охапку, обнять всех.

Сан-Саньч, как полагается светлой душе и истинному философу, вознесся на Солнце, где, согласно Савиньюту Сирано де Бержераку, лишь философам разрешается обитать в облике людей. Все остальные (и мы с Вами) явятся туда, в зависимости от качества души (о чем я здесь не берусь судить), в совсем ином облике...

Франция. Юбилейный альбом к 90-летию А.А. Зиновьева. Обращение к читателям Полины Зиновьевой

Александр Дерюгин, Симферополь

ПРАВДА ЗИНОВЬЕВА

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ БУДЕТ ВОССТАНОВЛЕН. НА ОСНОВЕ ПРОРЫВА
В НАУКЕ. ЕГО ИДЕАЛ СОВПАДАЕТ С ВЕЧНОЙ МЕЧТОЙ ЛЮДЕЙ –
ПРОДОЛЖЕНИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. ЭТО ВЕЛИКИЙ ИДЕАЛ...

В

октябре прошлого года исполнилось бы 90 лет со дня рождения Александра Александровича Зиновьева... Многие помнят, как он сказал о наших реформах: «Целили в коммунизм, а попали в Россию». Крепко сказано. Вот и задумайтесь: или стрелки плохие, или, как ни стреляй, будет все одно – Россия без коммунизма не может, это ее родное. И не за это нас не любят на Западе?

Творческая личность Зиновьева, неочтенная современниками при его жизни, остается такой после его смерти. Он сам говорил: «Я не нашел взаимопонимания, равноправных партнеров, к сожалению нет. Я сам себе главный и, может быть, единственный оппонент». Те, кто вспомнили о нем, отмечают только внешнюю сторону его работ. Говорят, что он был философом, логиком, историком, социологом. А комментировать его работы не берутся, оценок не дают. Так и остался он умником, ни левым, ни правым, сам по себе.

Сейчас кто только не говорит – нужна новая идеология взамен прежней, марксистской. Зиновьев утверждал: «Я создал свою собственную идеологию». Честолюбивое заявление. Может быть можно убрать слово «собственную» и его идеология поможет всем нам выйти из кризиса? Но для этого нужно знать, что он предложил, смысл его учения. Его не понять, если не знать, как оно появилось. Он начинал с логики, на стыке математики и философии. Вышел из школы логиков московского университета в период его расцвета. На логике строятся все другие науки, но есть крайний взгляд, который все в жизни стремится свести к логике. Зиновьев – русский человек и ему по душе был этот широкий взгляд на логику – все должно иметь логическое основание, выводиться из логики.

Для этого истина должна быть широкой, и он пошел по пути расширения истинности в логике. Как расширить истинность? Не выйти за ее границ нельзя. Но за границей истины находится ложь (как явная, так и неявная, скрытая – неопределенность), как за пределами видимого лежит невидимое. А разве у истины, лжи есть граница? Абстрактная истина и ложь не имеют границ. В логике формальной Аристотеля так и есть. А в жизни истина и ложь зависят от места, от времени – это диалектическая истина, ложь. Они конкретны, значит, ограничены, способны продолжаться. Такая истина и ложь относительны. Поэтому, говоря о границе истины, мы выходим за рамки формальной логики, начинаем плавать в море вместе с айсбергами – противоречиями. Опасно, но это уже жизнь.

Зиновьев говорил парадоксально, необычно. Он не боялся противоречий, в которых истина встречается с ложью и становится относительной. Это значит, истина в некоей граничной полосе не отделена ото лжи. В этом все дело. В этой полосе любое утверждение отождествляется, смешивается, приравнивается к ему противоположным: $P = \text{не } P$, Истина = Ложь в этой полосе. Как же иначе, если истина, ложь относительны. Значит, они неотличимы в каких-то обстоятельствах, условиях.

В жизни здесь именно на граничной полосе происходит выбор, борьба, стремление сделать границу, полосу неопределенности определенной, принадлежащей той или другой стороне. Закон исключенного третьего (ЗИТ): истина или ложь третьего не дано – в полосе нарушается, в ней действует и то, и не то. Этот закон в жизни стремятся снова восстановить с помощью борьбы или компромисса. Дело обходится без борьбы, если установлено дружественное правило, например: в одно время полосу занимает P , в другое – не P , или какое-то другое условие. Мудрецы всегда стремятся найти ненасильственный выбор. Когда выбор сделан, тогда раскрывается неопределенность в полосе, она переходит в определенность, но уже в расширенную истину и ложь. Это и есть логическая основа для понимания Зиновьева, его взгляда. Теперь вместе с журналистами, которые брали у него интервью, попробуем с ним поговорить.

Журналист задает вопрос: "Вы не считаете себя антисоветчиком?" Зиновьев: "Ни в коем случае. Конечно я не могу сказать, что я апологет советского общества. Не апологет и не антисоветчик". Ответ теперь понятен: Зиновьев находится в пределах неопределенности: ДА = НЕТ, И = Л., $P = \text{не } P$. Закон единства противоположностей применен, истинность расширена, но до каких пределов не указано, а потому и выбрать нельзя, когда так, а когда не так. Зиновьев в этом случае не стремился делать

выбор. Истина расширена в некоей области, есть из чего выбирать. В этой области кризисы, катастрофы, рождения и смерти, удачи и неудачи – вся жизнь. Зиновьев не сказал о выборе, но его слова: "ни в коем случае" говорят, что он боец, придет время выбор сделает. Он не сторонник трусливых выражений: "мягко говоря", в какой-то мере... Мы знаем, он умеет брать быка за рога. Но по его же доктрине все должно иметь логическое основание, и выбор тоже. А в данном случае он только расширяет область рассмотрения.

Вопрос: "Вы не против Сталина, Ленина, Брежнева?" Ответ: "Я не против и не за. Я принимаю все за реальность. И вижу свою задачу в одном: изучить эту реальность и описать ее... хочу построить теорию, которая дает возможность делать прогнозы".

Комментарий. Первая часть: ни за и не против, или – и за и против – теперь понятны. Как будто имеются обе истины или обе лжи, и то и то. Раз выбора в полосе нет и сама полоса неопределенна, остается возможность только так говорить. Следовательно, до выбора Зиновьев признает в наличии две правды, а не одну, и лжи тоже две. Это двусторонняя логика, а не односторонняя, как обычная логика Аристотеля. После выбора одной правды, одной лжи снова восстанавливается односторонняя обычная логика. Но истина и ложь в ней будут уже не те, что были до выбора. Выбор – это синтез их, компромисс, борьба, страдания. Так достигается единство. Могут сказать: а все же это – ни то и ни то – увильвание от ответа. Да, болтуны прибегают к этому приему. Прячут свою пустоту. А для мудрецов в нем великий смысл – поиск истины. Может быть еще не пришло время для выбора, нет способных людей.

Сравните: как бы ответил Лобачевский на вопрос: Вы не против Евклида, его геометрии? Он ответил бы: Я не против и не за Евклида. Я принимаю все за реальность, и вижу свою задачу... Другими словами, сказал бы, как Зиновьев.

Толстого спросили (так было на самом деле): Вы не против Коперника – вращения Земли вокруг Солнца? Толстой ответил (изменяю слова, а смысл оставляю): Я не против и не за. Принимаю все за реальность. Крестьянам удобней пользоваться в противовес Копернику вращением Солнца вокруг Земли. По приметам предсказывать погоду, когда сеять, убирать, они передают этот опыт из поколения в поколения и не откажутся от него, и не надо отказываться. Космос, полеты на другие планеты для них – блажь образованных, он им нужен меньше. Вот как Толстой выбирал – то или противоположное. У него и то, и другое правильно, две правды, важно какой сделать выбор. Знаменитый математик-физик Пуанкаре подтвердил правильность выбора Толстого, противоположного Копернику, так будет, если расширить истинность. Это расширение до третьего знака и тогда было еретическим и сейчас. Католическая церковь набросилась на Пуанкаре, вспомнив Галилея. И Пуанкаре вспомнил Галилея и повторил за ним: я, мол, хотел не то сказать... Толстой не стал менять свой выбор и получил отлучение от православной церкви (не только за эту ересь). Вся история – это выбор. Бруно на костер попал за свой выбор. А разве революция 17 года не выбор народа России? А Зиновьева за его выбор не выдворили из страны?

Зиновьев, как видим, перешел от односторонней логики к двусторонней (с двумя истинами, а не одной), перешел к истине диалектической, хотел он это или нет. К двусторонней геометрии перешел Н.И. Лобачевский, открыв, что геометрия Евклида и противоположная неевклидова обе истинны. Он считал, что обе они реальны, сейчас все с этим, пожалуй, согласны, но реальность неевклидовой геометрии он искал в звездном пространстве. Однако, несмотря на "звездную" реальность, расширенная математическая истина Лобачевского оказалась самой плодотворной в науке и по сей день. По этому пути пошла математика и физика: по пути расширения физики Ньютона – теория относительности и квантовая физика.

По этому пути пошел и Зиновьев, выйдя за рамки Аристотелевой логики. Заметим, одновременно с ним по пути расширения логики, но на другой основе, шел другой представитель московской школы логики того же славного периода Есенин-Вольпин, сын поэта Сергея Есенина. Его программа была направлена на построение арифметики не одного числового ряда, а двух числовых рядов, а поэтому имела целью перейти на две арифметические правды, а потом перейти к математике на основе такой двусторонней арифметики.

Двустороннюю арифметику я рассмотрел в двух предыдущих моих работах в «Геополитике». Она

существенно расширяет средства обычной односторонней арифметики. Теперь, значение, например, числа 1 не исчерпывается его положением в одном ряду чисел, нужно учесть и его положение во втором ряду, как место зрителя в кинотеатре. Появляется возможным парадоксальное равенство-неравенство: $1 = 0$. Две противоположности в единстве. Конечно, кто так будет утверждать, должен вспомнить судьбу Галилея. С разных концов два выдающихся ученых шли к одному и тому же. Достаточно напомнить, что знаменитый математик и тоже логик акад. Колмогоров признавал в математике, в логике, правду только одну. Безграничная, абстрактная, формальная истина, – сейчас она наиболее полно представлена во французской школе Бурбаки, ее внедрилы у нас Колмогоров и его последователи.

В диалектике, правд может быть много, как в жизни, этим самым предоставляется выбор человеку, конкретным людям, в конкретных условиях, месте и времени из этих правд и их комбинаций выбирать настоящую, "наилучшую" для данных условий правду. Она и будет единственной правдой, но завоеванной ими, а не навязанной извне. Математическую правду выбирают математики так же, как и в политике люди, признал знаменитый математик и физик А. Пуанкаре. За это его ругал Ленин, – за необъективность. Ленин неправ? Не забудьте, теперь – и то и другое правильны, выбирать надо из полосы неопределенности, когда одно правильно, а когда другое правильно, в каком смысле прав Ленин, в каком Пуанкаре. Но не ругать одного Пуанкаре, как было у нас.

Журналист спрашивает Зиновьева: Но Вы принимаете эту систему в России или не принимаете? Ответ: Для меня эта система реальность. Я нигде не ставил перед собой задачу свержения коммунизма или реформы его. Если бы я сейчас был в Советском Союзе, я не принял бы участия ни в каких оппозициях, ни в каких движениях.

Опять он отвечает так в согласии со своей расширенной истиной, не принимает априорно ни то, ни другое без выбора. Но это неполнота. В ней скрывается и великан и плут. Нужна внешняя веха, чтобы отличить их, как в вагоне поезда – движется он или стоит, надо посмотреть в окно на столб.

Как он ответил на такой вопрос: Вас выдворили из Советского Союза – это правильно или нет? Это насилие? Зиновьев ответил: "В 39-м году меня арестовали. И правильно сделали: я же был террористом. Я даже так скажу: борьба брежневского режима с диссидентами велась слишком вяло. Они были началом пятой колонны Запада. И в 77 году меня правильно выслали. Я, конечно, не представлял, что мои книги будут использоваться против СССР. Вопрос: А диссидентов правильно выдворили из страны? Снова – да и нет? Нет, здесь определенный выбор Зиновьева: выдворили – вот это правильно сделали. Диссиденты считают этот акт неправильным, насилием, как это делает Запад, но не Зиновьев, поэтому он не называет себя диссидентом. Осознанная необходимость, борьба – какое же это насилие.

Интересно знать, как звучат теперь слова Гамлета: быть или не быть – вот в чем вопрос. А может и здесь применить третье, скажем, китайские предупреждения, дать шанс противнику покаяться? Но это была бы уже другая история, другая трагедия, не Шекспир. Представьте, трагедию Шекспира смотрят китайцы, они так ее понимают как европейцы? Китайская правда, Индийская, шире Европейской. То, что для европейца иллюзия, для них может быть правда. Третий знак, содержащий противоположное данному мнению, тоже правильное мнение, если его хорошо обосновать, содержит тем самым ограничение, тормоз, для данного мнения, его оппозицию. Хороший способ борьбы с культурами. Это внутренняя оппозиция, она тормозит противоположное мнение, если не выходить за полосу согласия, единства противоположностей: $P = \text{не } P$. Вот какое логическое основание для Зиновьева выступать, как за учение Маркса, Ленина, принимая их за реальность, так и с критикой Маркса, Ленина. И так для любого учения, любого утверждения.

Таким образом, из ответов Зиновьева видна закономерность его логики. Она приводит к новой расширенной реальности в сравнении с прежней. Отсюда следует вывод, который во времена Белинского произвел потрясающее впечатление на общество – "Все действительно разумно". Эта формула Гегеля своим согласием с противоречием, с противоположной правдой оказывает умиротворяющее действие в обществе, вызывает стремление идти на примирение, компромисс, который, как правило, не так легко осуществить. Возможно для этого нужно пройти длинный путь убеждений,

предупреждений, и, когда уже терпению пришел конец, тогда жестокость становится осознанной необходимостью, а потому переходит в свою противоположность – в благо. Опять выбор решает.

Формулу Гегеля – стержень его диалектики – Зиновьев получил самостоятельно своим путем. Скажут: но это же не новое? Новый подход к старому и забытому. Логика Гегеля недоступна для понимания большинству людей, давно уже требовалось найти простые подходы для ее понимания. Попытки найти их были, Маркс тоже мечтал изложить диалектику просто и коротко. Для Ленина это было крайне важной проблемой.

Тезис – все действительно разумно – односторонний, без границ. Нужны ограничения, для того, чтобы уметь выбирать ту или иную возможность в полосе, в области, в которой действует тождество $I = L$, единство противоположностей. Нужны тормоза, иначе оно разнесет любое учение, знание, на нем основанное. Придется принимать, оправдывать любую мерзость (Толстой). Придем к вседозволенности. В диалектике Гегеля таких тормозов нет. Мы знаем, как попался на этом Белинский, сколько наломал дров, а потом пришлось давать задний ход, краснеть, извиняться. Такой тормоз нужен и в логике Зиновьева.

Зиновьев был, как говорили, человеком "вопреки". Получилось так, что это свойство своего характера, свою психологию он перенес в свою логику в виде полосы неопределенности, третьего знака, где кончается одно и начинается другое, противоположное, вопреки.

Ленина он критикует за определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущение. Это определение бессмысленно, говорит Зиновьев, поскольку не дано логическое определение объективной реальности. Все, по его мнению, должно следовать из логики. Мы возразим ему: а как же любовь, ненависть следуют из логики? Из его логики следует? Это он не смог обосновать. А ведь это самое большое возражение, на которое он не ответил. "Не разум, не логика ведет народы, а вера, любовь и ненависть" (Герцен). Но надо признать, что и Зиновьев прав. Две правды. Неполнота ленинского определения материи видна из программы Зиновьева, так как в полосе $P = \text{не } P$, если P материя, то не $P = \text{не}$ материя, и указанное тождество утверждает возможность духовной материи, тонкой материи. Физика пока об этом определенно сказать не может. Правда, появилось недавно в печати сообщение о "сумасшедшем" нейтрине, летящем быстрее света. Так летать может мысль, не частицы. Физики растеряны.

Зиновьева же расширенная истина содержит такую возможность, она его прогнозируется, как возможность расширения, обобщения определения Ленина. Это нейтринно подтверждает расширенную логику Зиновьева. Современная наука не содержит прогноза (как мировой кризис прозевали). Прогноз это соединение Да и Нет, продолжение настоящего в будущее, переход из одного состояния в противоположное, для этого нужно строить переходную полосу из настоящего в будущее. Но и Ленин был диалектик, его критерий истинности тоже расширенный. Разве он не предсказывал, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Следовательно, не выбрасывать следует определение Ленина, а продолжать, не делать из него догму, культ.

Зиновьев, критикуя, вышел из полосы согласия, стал в позицию – он не прав, а я прав. На самом деле он не опроверг Ленина, а продолжил, и его прогноз подтвердился, и прогноз Ленина. А физикам прогноз этот показывает, что им нужно переходить на диалектику, на третий знак истинности. Для Зиновьева, как и для Толстого – практика как критерий истины – этого недостаточно, нужно еще предсказание нового, будущего, невидимого, таинственного. Это творческий, созидательный критерий, а не только описание того, что уже есть на практике. Пусть этот пример разногласия между Зиновьевым и Лениным, является примером компромисса, превращения борьбы – быть или не быть – в ее противоположность, в согласие. В согласие нового и старого.

Зиновьев резко критикует идеологию Запада. Он говорит, что это "жалкая идеология". Этот вывод прямо вытекает из логической программы Зиновьева, в ней как раз содержится альтернатива идеологии Запада, которая вся заключается в одностороннем "быть или не быть". Зиновьев настоящий критик, критикуя одну идеологию, он показывает, что есть другая идеология, которую он предлагает взамен. Действительно он создал свою идеологию, противоположную современной западной идеологии, пусть и неполную.

Движение к цели, идеалу немислимо без прогнозирования. Но как согласовать это с формулой "все

действительное разумно". Зачем куда-то стремиться? Ведь все разумно. Зиновьев говорит: "Опыт построения земных раев всякого рода говорит о том, что они не устраняют жизненных проблем, драм, трагедий. Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинств. А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразование общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом, совершенствование в духе моего собственного идеала человека. По этому пути я фактически и шел до сих пор". В другом месте добавил: "Вообще идеального ничего нет".

Как видите, главное для него не борьба за идеалы. Идеалы относительны. Но нельзя отрицать и абсолютное. Хотите отбросить абсолютное, отбросьте его диалектически, через закон двойного отрицания. Было А, перешли в не А, а это в не (не А). Последний член этой триады – двойное отрицание первого – оно и отбрасывает его в том смысле, что хотя и возвращает к нему же, но уже другим, с другим содержанием. Третий знак: старого А уже нет, а формально А есть. Как искусственный заменитель какого-то продукта, органа: нужные свойства продукта, органа, сохраняются, а вещество, из которого он делается, заменяется другим. Старое не выбросили, как камень с дороги, его объехали, обошли по объездному пути. А почему его просто не выкинуть? Надо выкинуть, если он мал, а если большой? А если живой организм, заболела почка, выбрасывать ее? Обойти – значит лечить. Но не выбрасывать. А в крайнем случае? Тогда нужна искусственная почка, а это третий знак, диалектика, синтез почки большой и здоровой: формально это почка, а содержание, материал другой.

Без идеального – рухнет вся цивилизация, религия, само относительное. Христианские заповеди, например, – все идеальные. Первая часть приведенной цитаты Зиновьева точно вытекает из его логики, где достоинство и противоположный ему недостаток входят в реальность на полосу единства, при этом, чем шире полоса отождествления достоинства и недостатка, чем больше достоинство, тем скверней недостаток. Хотели как лучше, а получили как всегда, а также русский девиз: чем хуже, тем лучше – выводится отсюда, да еще и с количественной оценкой, как в законе сохранения: ведь в равенстве $P = \text{не } P$, чем больше P , тем больше не P .

Нельзя радоваться победе – всегда в чем-то проиграешь – говорит Даосизм, диалектика Востока. "Если страна пошла в ложном направлении, то, чем успешнее она идет, тем оказывается ближе к гибели и полному исчезновению" – говорит Зиновьев в соответствии со своей логикой. А чем талантливей человек поведет не тем путем, тем больше вреда принесет. Как акад. Колмогоров, взявшись делать реформу системы обучения, развалил ее. В результате пришли к ЕГЭ. Не так просто отделить, выбрать в полосе отождествления двух противоположностей добродетель от недостатка, истину от лжи, они ведь взаимодействуют. Всегда будут катастрофы в обществе, говорит Зиновьев. Какой же рай впереди нас ждет? А как же выходить из катастроф, кризисов?

Теория, идеология должна содержать ответ на это. А идеология Зиновьева не содержит на это ответа. И в этом неполнота его теории. Теорию кризисов не создал и Маркс, хотя и мечтал создать. Однако главное противоречие между трудом и капиталом Маркс решил диалектически, указав и обосновав выбор – вооруженного восстания пролетариата, социальную революцию. Ленин в России, "беременной" революцией, осуществил предсказание марксизма, доказав тем самым его истинность. Ленин точно знал цель, идеал, к которому он подчинил все дело, которое осуществлял. А Зиновьев?

Диалектика объединяет учение Зиновьева и марксизм. Логика одна у них по существу. Но вот отличие. Зиновьев не выбирает классовую борьбу и революцию в качестве средства для осуществления своего идеала. Какой же его идеал? Он раскритиковал путь к идеалу, будь какому, и оставил себе только свой собственный идеал. А свой путь назвал тот, что ведет к совершенствованию "моего идеала". А нужен обществу его идеал? Его он не называет. Может это путь нравственного самосовершенствования Льва Толстого? Но Толстой точно знал свой идеал христианской нравственности. Идти за Христом – его путь и по этому пути должны идти люди России, к этому он призывал. Но это не путь Зиновьева. Получается, идеология у него есть – расширенная правда, но ее и нет – нет идеала. Неполнота. Третий знак есть, но как нераскрытая неопределенность.

Его спрашивает журналист: Вы говорите, что Советский Союз развалился, не потому что был слаб, а, наоборот, был сильной системой. Почему же она рухнула, если она хороша? Зиновьев отвечает: "Гибель СССР – это грандиозная диверсионная операция Запада".

Целиком внешняя причина гибели страны, по Зиновьеву. А почему? В этом вопросе никакого компромисса двух сторон он не допустил. Дал однозначный выбор. А разве цель партии, обещание – построим коммунизм через 20 лет – это была не диверсия? Внутренняя диверсия. Чем дело кончилось? Полным разочарованием народа в самой коммунистической идее, в идеале общества. Вот кто стрелял первый в коммунизм, а попал в веру народа в справедливость, в русскую идею. Разочаровались в партии, как руководящей силе общества – вот к чему пришли.

Американская диверсия пустяки по сравнению с этой внутренней диверсией, когда была опорочена коммунистическая идея, идеал общества. Коммунизм, в понимании XX съезда, оказался фикцией. Вот когда влияние бездуховного Запада и США стали очень опасны для Союза, стало опасным оружием холодной войны, даже смертельно опасным, т.к. был потерян иммунитет от него, мы стали идеологически безоружны. Был бы жив коммунистический дух, западные тряпки, джинсы, автомобили не сыграли бы даже близко той роли – "носителей передовой цивилизации", – какую они сыграли, когда была потеряна вера в коммунистическую идею. У них под боком Куба, против нее они ведут холодную войну все время, эмбарго, но ничего сделать не могут. Крепок дух кубинцев, бесстрашный вождь у них.

Тогда же у нас начался застой в науке, на которую уже не могла опереться коммунистическая идея, наука фундаментальная пошла по западному одностороннему пути еще с 60-х годов. Без научной опоры эта идея не могла не превратиться в догму, не умереть. То, что случилось с нами, – назвать это диверсией? Точнее назвать – глупость. Упомогаение. Да и сам Зиновьев разглядел это наше умственное падение, когда мы стали дураками. В таком состоянии мы не способны решить ни одну серьезную задачу. Только повторять: хотели как лучше... Вот откуда пессимизм Зиновьева.

Отсюда он делает вывод: Россия может подняться только переумнив Запад. Наша гордость – великая русская классическая литература, мы переумнили Запад в Великую отечественную войну, во вторую мировую войну. Внесли великий вклад в историю – построив государство на идеологии противоположной Западной, в котором впервые власть сверху соединилась с властью снизу в одну власть по закону единства противоположностей. Государство было построено на диалектической логике, она скрепляла, склеивала все его части, это был не механизм, а организм. Связь диалектическая – прямая и обратная – живая связь. И Отечественную войну Советский Союз выиграл умом, – прежде всего.

Так утверждал Зиновьев, вопреки всем критикам Большие потери в войне – результат того страшного труда, каким давалось нам поумнение. Такой еретический взгляд о войне высказал Зиновьев, исходя из всего опыта этой войны, в которой сам был участник. Этот еретический взгляд объясняется его расширенной логикой с помощью полосы $P = \text{не } P$, в которой отождествляются хорошо и плохо, победа и поражение, где выполняет свою трагическую роль русский девиз (Пушкин): чем хуже, тем лучше. Странной, кажется, наша судьба: для других это ведет к смерти, а у нас к возрождению посредством чуда. От внутренней беды гибнет и от нее же спасается русский человек Катастрофа вначале войны стала причиной великой ее победы (вспомните: в его логике большой порок переходит в большое благо).

Это и заставило руководство сделать под огнем радикальные перемены в управлении фронтом, тылом – утверждал Зиновьев. Но это же полоса третьего знака, из которой был сделан правильный выбор. Наша победа выходила за рамки обычной логики, Зиновьев объяснил ее с помощью своей расширенной логики. В этом его громадный вклад в историю.

Внешней диверсией объяснить падение Советского Союза было бы вопреки русской идее, вопреки русской истории. Вопреки примеру Кубы. Такое объяснение удобно нашим противникам.

В связи с этим напомним, как Кандализа Райз во время визита в Москву в 2004 году выступала по телевидению. С американской бесцеремонностью она поучала нас: Ваш писатель Достоевский, не Толстой. Я читала много Достоевского. Толстой прочла первую книгу, а вторую не смогла прочитать. Что же ей не понравилось в Толстом? Она не сказала, но нам понятно, что она читала и почему

не прочла вторую книгу: в первой – Аустерлиц, во второй – Бородино. Читать о величии русского духа им не подходит, Достоевского читать – о слабости русской души – это подходит. "Русский Бог – смирение", – считал Достоевский. Такой односторонний русский Западу подходит. На 90% смирение, на 10% – протравление. Во всех наших бедах виноваты мы сами на 90%, считал Толстой. У Достоевского на все 100% сами виноваты. В этих 10-ти процентах и находится русское чудо: Куликово поле, Полтава, Бородино, Сталинград.

Такой двусторонний русский Западу не подходит. Нацисты ненавидели Толстого, считали личным врагом. Внешняя диверсия сломала русских – такие русские Западу подходят, и тогда Запад – победитель. А ведь в "Записках из мертвого дома" Достоевский говорит о двусторонности русской души, крепости ее духа – но это они не читают. У Толстого и Достоевского причина беды нашей внутренняя. Сам Зиновьев, бунтарь, борец, входил в эти 10% с гаком, не подлежит сомнению. Как видим, Толстой пропорцией девять к одному определял полосу третьего знака смирения и протравления русской души. Русская идея двусторонняя. Наша современная интеллигенция больна Достоевским. Сейчас это культ ее. Когда общество заболевает уничтожением, тогда выдвигается Достоевский. Уж он умел раскапывать слабости русской души. А что, это плохо? Так ведь и Толстой знал их хорошо – но молчал. А Достоевский говорил.

Вот вам и выбор. Позиция. Мы знаем, когда происходит ссора, вспоминают все проступки один и другой. Он и она. В решающий момент он приготовился сказать роковую ошибку ее прошлого. Она ждет – скажет или нет. И... он не сказал. Ссора прекращается. Так и здесь: один великий мастер не сдержался, перешел рубеж дозволенного, другой промолчал. Горький назвал Достоевского злым гением, Чехов все обещал друзьям прочесть "Преступление и наказание". Не находил, мол, времени. Логика Зиновьева содержит средство от Культур, в том числе от культуры Достоевского. Любимый роман его "Война и мир". Более Достоевским, выдоравливаем Толстым.

Главная причина гибели Союза, исходя из сказанного, – внутренняя, у Зиновьева внешняя. Выбор разный. Он, фактически, сам признал, что выходить из кризиса нам нужно только внутренним путем – надо поумнеть. Получается: вход в кризис внешний – диверсия Запада, а выход внутренний – наше поумнение. А мы понимаем так – вошла беда через Смоленскую дорогу и выйти через нее должна. Лечить причину болезни. Дело идет о выборе той или другой точки зрения. Я обосновал свой выбор и не согласился с выбором Зиновьева. Так же как причина катастрофических поражений начала войны, главная – внутренняя – в управлении, чрезмерной централизации управления войсками. Нужно было командованию на местах ждать приказа из центра, а не думать самостоятельно, что предпринять в данное время. Была зажата инициатива снизу.

Реформа, проведенная во время войны, включила власть снизу вверх, наряду со сверху вниз, позволила думать всем, а не только Ставке, развязала инициативу командиров и рядовых. Вот как поумнели в ВОВ. Вот что сказал маршал Жуков в своих воспоминаниях: "Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс... У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальный период войны". В ходе войны научились воевать, все больше доверяя народу дело спасения страны. Это значит перешли от одностороннего управления сверху вниз к двустороннему с обратной связью сверху вниз, снизу вверх. Вот какой выбор пути выхода из кризиса нужен, исходя из опыта ВОВ. Но сейчас это неосуществимо. Отсюда пессимизм Зиновьева. Советская система того времени производила умных людей, помимо вооружения, машин, станков. Поэтому потребность в них во время войны была решена, они нашлись, несмотря на большие потери. После войны, начиная с XX съезда, постепенно мы начали свертывать производство умных людей в стране, и наше падение, прежде всего, это умственное падение. Тогда производила сама система умных, сейчас, наоборот, производит глупых. Система – это позиция, место, которое производит умных или глупых людей, как места фигур на шахматной доске. А может умные есть, да только не можем их отделить от глупых? Не можем выбрать? Не слова, а дела покажут, кто есть кто. Да, но дать ему дело, так он наворачивает так, что после не исправить. Нужна наука...

Толстой открыл принцип, который иначе не назовешь, как принцип относительности человеческой души: "Одно из величайших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все

возможности, есть текучее вещество: был умен стал глуп, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать: не люблю. Ты сказал, а он уже другой". Это диалектика души. Недаром Чернышевский назвал Толстого "диалектиком души".

Нужен широкий кругозор, широкая правда, чтобы увидеть, что прежняя правда, односторонняя, уже не правда, а ложь или не то и не то, а полоса неопределенности. А, находясь внутри системы без внешней системы, т.е. в изолированной односторонней системе, нельзя сказать истинна она или ложна. Как нельзя определить внутри вагона движется он прямолинейно равномерно или нет. Это принцип относительности в физике. Достоевский хорошо знал такой же принцип в гуманитарной области, в жизни. Без внешней улики невозможно отделить истину от лжи в показаниях обвиняемого, нельзя опровергнуть его, если он сам себе не противоречит. Следователь Порфирий в "Преступлении и наказании" ничего не смог сделать с Раскольниковым, не мог опровергнуть его чисто логическим путем. Не хватало только одной "черточки" – как он говорил, черточки внешней, улики, чтоб поймать его во лжи. И мотив внутренний – наполеоновская избранность – у подозреваемого был, а улики не было. Пока внутренний идеал подсудимого – вера в Наполеона – была несокрушима для него, он держался. Когда ему противопоставили другой идеал – Христа, он сдался. Что стоит Наполеон – он мог убить тысячи, а вот воскресить одного не мог, как воскресил Христос Лазаря. Но в это надо было поверить, для этого нужна была Соня Мармеладова.

Таким образом, без внешней системы выбор внутренними средствами сделать нельзя. Получился афоризм: глупый – это умный не на своем месте, а умный – это глупый, но на своем месте. Для определения нужна внутренняя и внешняя система. А это уже двусторонняя система. Ведь "место" принадлежит внешней системе. Гений, как ферзь в шахматах – это тоже пешка, но проходная, достигшая места на краю доски. Место, позиция, мотив входит в определение. Выходит, как у Толстого и Чехова: важен не закон, а природа его, позиция. Важнее не кто глупый и кто умный, а как переходит умный в глупого, а глупый в умного. То, что мы сейчас глупые – все видят. Важнее, как мы скатились к этому, как мы стали дураками? И как нам поумнеть – о чем отчаянно думал Зиновьев. Одной его логики для этого оказалось мало. Нужно ее продолжить.

Вы не согласны? Как это – мы дураки? В этом вся суть. "Важно, очень важно то, как мы выдерживаем правду о себе. Что нам нужно сейчас – правда о самих себе, сказать ее самим, и услышать от других. Как боимся мы этого". Так говорил Зиновьев. Не классовая борьба, не призывы к ней, а борьба за правду сейчас самое важное – "это единственное, что может стать исходной точкой изменений в обществе. Какую правду допускает общество, такое и есть общество", говорил Зиновьев. В согласии со своей идеологией, полосой неопределенности: P = не P, Зиновьев сделал выбор: на первом месте сознание, правду, а не бытие и классовую борьбу. Вначале нужно поумнеть. У нас знают только одно: экономика, экономика, экономика. Да, с той экономикой, что была, жить было можно, но без коммунистической идеи, без идеологии, жить было нельзя. Ленин вначале создал идеологию, теоретические основы, партийные основы ее, тактические, организационные – все основал на диалектике, а потом только заявил: "Есть такая партия". Этого же требовал и Зиновьев: покажите свой умственный уровень, свою идеологию, тогда беритесь за власть, за экономику.

Вот почему Зиновьев говорит, что у России только один выход – переумнить Запад. Как победили в ВОВ, превратив свои ошибки, поражения в противоположность, – в победы. Без ошибок не было бы победы. Катастрофа нас научила и в результате привела к победе. Эта мысль Зиновьева содержит целый метод – метод введения ошибок, что и является внедрением диалектики в конкретное дело. В самом деле, что такое ошибка? Это ложь, противоречие, а для диалектики из них и получается истина в полосе третьего знака. Как в методе прививок Луи Пастера, чтобы победить бешенство, нужно в организм человека внедрить бешенство, впустить, привить в какой-то дозе, а эта доза и есть полоса третьего знака. Организм переболеет и снова станет здоровым, но уже с расширенным иммунитетом к этой болезни. Болезнь лечит ту же болезнь.

Как выбрать полосу? "Место", которое определяет выбор, – кто есть кто. На Западе природа выбора одна, у нас другая. Приведу пример.

Два бегуна финишировали, коснулись ленточки одновременно. Кто первый? Лента – полоса

неопределенности, на ней $P \neq P$. Нужно сделать выбор. Включаем десятые доли секунды на секундомере, если и этого мало, включают сотые, фотофиниш, стремясь, во что бы то ни стало выявить победителя, убрать полосу неопределенности. Победитель один. Третий знак сыграл свою роль, снова восстанавливается закон исключенного третьего, но какой ценой. Переступив через порог нравственный, справедливости, милосердия. Конкуренция превыше всего. Жестокость по нашим понятиям, но не по Западным, которые мы перенимаем у себя. В футболе дают дополнительное время, назначают одиннадцатиметровые удары... наконец, бросают жребий – кто первый. Выбирает случай. Абсурд. Односторонне, одним делением решить проблему выбора не удастся. Ведь каждая задача имеет свой разумный предел деления, за который выходить нельзя, осколки от неразумного деления приносят вред и тем, кто это делает. Оно разделяет людей, озлобляет, растет непомерный эгоизм, жажда быть первым во что бы то ни стало, стремление подавить другого, стать над ним.

В армии это вырастает в дедовщину, в обществе вырастают чудовища бездуховности, маньяки, кровопийцы и прочие выродки. Разумное разделение совместимо с нравами людей, историей, с их психическим складом. Победил коллектив, не обязательно кто-то один. Выделение одного в ущерб целому разрушает команду, приносит вред. Сами члены коллектива знают, кто есть кто среди них, они сплачиваются тесней, когда лидер не выделяется. Они знают это изнутри, а тут вламываются в их внутреннюю правду внешние контролеры со своей правдой, справедливостью, и они же выбирают – кто есть кто. Односторонний же выбор – победитель должен быть один, во что бы то ни стало, заложен в основу Европейской цивилизации. Толстой с иронией говорил о ней: Знаем, как вы находите истину. Она здесь, в этой коробочке, открываем, она внутри в другой коробочке, открываем ее, она в другой, и так без конца.

Математики приняли, как постулат, что такой бесконечный процесс деления отрезка приводит, в конце концов, к одной точке – истинному результату деления. Это метод последовательных приближений – основной метод математики. Толстой не верит в этот постулат, не верит в сам метод, на нем основанный. А если коробочка не станет добровольно раскрываться? Нужно ее уговорить, а получится? Применять силу? Хотите или нет, но противоположный постулат тоже должен иметь место. И здесь нужен Лобачевский, чтоб признать его. Нужен третий знак, полоса неопределенности, место для компромисса, согласия, выбора. А это, значит, нужна двусторонняя правда, диалектика.

В самом деле, вот вам знаменитое число π – отношение длины окружности к ее диаметру. Это бесконечная десятичная дробь 3,14159265... Эти десятичные знаки получаются последовательным делением единицы. Коробочку между числом 3 и 4 разделили на 10 частей и взяли коробочку (3,1 и 3,2), затем разделили эту и взяли коробочку (3,14 и 3,15) и так до бесконечности делим, делим, делим. А можно ли? Постулируем. Но это же произвол.

Теперь, мы переведем этот односторонний метод последовательного приближения в двусторонний, как должно быть в логике Зиновьева, Толстого.

Итак, коробочка (3 и 4) может быть неделимой (сами бегуны по-братски не захотят делить приз победителя при ничьей). Но так же неделимы, могут быть коробочки (3,1 и 3,2), (3,14 и 3,15) и так дальше. Вопреки постулату, что истинное число π не коробочка, а тот предельный случай, когда коробочка сужается до одной точки. Таким образом, приходится вводить числа-коробочки, интервальные числа. Первое число (3 и 4). Это и есть число π на первом уровне, шаге. Раз коробочка неделима, 3 не отличается от 4, то есть $3 = 4$, получили тождество, единство противоположностей $P = \text{не } P$, где $P = 3$, а не $P = 4$. Получилась полоса неопределенности, согласия от 3-х до 4-х – интервальное число, ширина полосы равна 1. Вторая полоса (3,1 и 3,2) узкая, ширины 0,1, тождество: $3,14 = 3,15$. И так дальше. Вот так мы перешли к трехзначной логике. Полоса единства противоположностей это класс эквивалентности, он же есть коробочка. Это точные равенства в трехзначной логике. В обычной двузначной логике это или приближенные равенства или абсурдные, как $3 = 4$ или $0 = 1$. Если вспомнить, что каждая коробочка содержит следующую за ней, то классы эквивалентности пополняются. Класс $3 = 4$ становится: $3 = 3,1 = 3,14 = 3,142 = \dots = 4$. Также и другие классы наполняются, включая и точное число π , которое находится в них.

Точное число π идеальное. Нереальность его в том, что его нельзя реализовать конструктивно ни каким реальным

инструментом, начиная от древнегреческого циркуля и линейки и включая компьютер. Приближенные значения π – числа реальные. Парадоксально. Начальная коробочка (3 и 4) наиболее реальная, так как содержит все другие реальные коробочки, а, значит, содержит и само число π . Она содержит всю историю его, как полоса реальности круга, прямой линии, начерченных на песке, земле. Отсюда же пошли все другие реальные круги и компьютерные. Но эта же коробочка – абсурд точности из-за полосы $3 = 4$. Компьютер стремится к идеалу точности, в течение нескольких часов он может вычислить 100 тысяч знаков числа π , если он мощный. Но зачем эти знаки, эта точность? Физику-теоретику достаточно 10-12 знаков любого числа. Остальные знаки, если он станет применять, следует считать не более точными, а реально, наоборот, менее точными, ухудшающими точность ту, которая нужна для решения конкретной реальной задачи.

Таким образом, мы приходим к двусторонней точности – идеальной и реальной. А от нее к синтезу, единству противоположностей, идеально-реальной точности. Но не забудем о выборе – каждый должен иметь возможность выбрать свою точность. Та или иная задача. Поэтому синтез-точность должна быть многоуровневая, иметь разные уровни реальности и для каждого уровня свой эталон точности. Раз есть две точности, два идеала точности – прямо противоположные, разных уровней, есть и два приближения. Две правды и две лжи. Чем ближе к одному идеалу, тем дальше от другого, и наоборот. Такая математика – реально-идеальная или наоборот – идеально-реальная соответствует диалектической логике, логике Зиновьева.

В ее реальность попадает и беллетристика. Толстой так оценивал стихотворения: это сильно очень, но не поэтично, а это – наоборот. И в жизни он признавал два идеала: спереди и сзади. Эпоха Возрождения вышла из идеала сзади. Для одного идеала реальна сама жизнь, для другого – мысль, идея совершенства. Упрекали Пушкина за выбор – цель поэзии есть сама поэзия, и Маяковского – за противоположный выбор. Пушкин, конечно, соединял и тот и другой идеал. Два идеала в поэзии: сама поэзия и сама жизнь. Это начальная коробочка, каждый находит между ними свое место, свой реальный и идеальный уровень. Также для любого искусства. То же и в математике, в науке. В расширенной двусторонней правде, трехзначной, диалектической, действительно так. Так и с двусторонним числом π , какого же уровня выбрать его, зависит от нас. Но выбор наш может быть, по нашему согласию, сделан не нами. Хорошее это стихотворение, музыка? Я не знаю. Вот человек, кому я доверяю – как он скажет, так пусть будет. Выбираете не вы, а авторитет, а его выбираете вы. Но нужно доверять себе? До этого надо дорасти. Даже Чехов говорил: я не дохожу до всего сам. Посмотрите на рекламу? Вот как выбирают. А если не из чего выбирать? Вот для этого нужно расширение области выбора, расширенная логика.

Приближенное число $\pi = 3,14$ неопределенно в последнем знаке. Ошибка 0,01 внесена в последний знак. Поэтому переход от приближенного числа в число коробочку происходит естественно: 3,14 переходит в (3,14; 3,15). Действия чисел-коробочек производятся точно так, как для приближенных чисел, например: $3,14 + 2,17 = 5,31$ будет (3,14; 3,15) + (2,17) = (5,31; 5,32). Теперь это сумма точных чисел уровня 0,01. На этом уровне они точны, так как достигли идеала точности реального и идеального. Больше того, коробочка это класс эквивалентности да еще содержит операцию выбора. Так (3; 4) это $3 = 3,1 = 3,4 = 3,14 = 3,47 = \text{точное } \pi = \dots = 4$. Выбираем представителем класса, например, число 3, тогда все числа класса отождествляются с ним, все их индивидуальные свойства исчезли, остаются только свойства целого числа 3. Все числа класса стали целые, нечетные, простые (без делителей), такое и число π . Как? Число π – целое! Абсурд. Теперь это не абсурд. Какое это число, дает позиция его в классе эквивалентности, как пешка, передвигаясь по доске меняет свое значение, и становится ферзем в конце шахматной доски. Выбираем представителем 3,14. Теперь точное число π , в обычном понимании точности, стало равным 3,14 – перешло в приближенное значение в старом понимании этого. Точное стало приближенным, а приближенное точным. Поменялись местами король и его слуга. В шахматах королеву жертвуют за пешку, если надо. Инструменты так же становятся двусторонними. Циркуль чертит реальную окружность реальной ширины, например, 0,01 сантиметра – предела видимости глаза. По отношению к прежнему идеалу, он приближенный инструмент, а ко второму, реальному идеалу – это точный инструмент уровня 0,01. Точность, как власть абсолютного монарха, власть наследственная, уступает ее власти выборной, реальной,

нужной в данной позиции, в данном конкретном положении. Вот смысл преобразования приблизительного в относительное, переход к новому идеалу, власти, истине. Теперь можно призвать – Долой абсолютного монарха, абсолютную точность (строгость) в математике, потому, что есть ей замена – реальная точность, которую выбирают люди, а не передаваемая по наследству. Точность третьего знака логики, диалектическая точность.

(О целых коробочках как (3;4), действиях над ними я подробно уже говорил в предыдущей своей работе в нашем журнале).

Наш путь - от разума к действительности. Осуществляем тезис "Все разумное действительно". От арифметики к жизни. Какой выбор в арифметике, такой в жизни. Какая логика арифметики, такая же логика действительности. И там и там трехзначная логика, диалектика. Вот почему возможен стал переход от разума к действительности. Мы перевели арифметику на диалектику. Этого достаточно, чтобы обосновать тезис "все разумное действительно" и "мысль реальна".

Такой выбор, какой делают числа-коробочки, определяет демократию в мире чисел, в арифметике на трехзначной основе. Он определял, когда-то, и нашу двустороннюю демократию. Как выбирают, такова она и есть. Внизу, в коллективах, как в классах эквивалентности обсуждаются, выдвигаются разные мнения, идет борьба их. Это же полоса неопределенности. И вот решение принято, капитан, вожак выбран. Теперь власть снизу уступает место власти сверху, централизму, и решение центра обязательно для всех, исключалась фракционность. Это был внутрипартийный принцип управления, двусторонний – снизу вверх и сверху вниз – синтез, полоса согласия третьего знака. Он же осуществлял внутрипартийную демократию. Назывался демократический централизм. В СССР он распространялся из демократии партийной во все области жизни страны, вплоть до пионерской организации. Когда этот принцип выполнялся, общество развивалось успешно, когда он нарушался, нарушалась нормальная жизнь общества, возникал кризис управления. Советский Союз погиб вместе с ее гибелью, гибелью внутрипартийной демократии. Без нее это была уже не партия. Авторитета, вожака, выбирают, как представителя класса эквивалентности, чтоб доверять ему полностью. Так в математике трехзначной, так и в жизни, на ней основанной, на диалектике, без которой не мог жить ни Советский Союз, ни математика.

Зачем повторять уже известное? А вот зачем. Теперь эта демократия – демократический централизм – выводится из арифметики, как вы видите, арифметики третьего знака, диалектической. Ленин и его соратники выводили ее прямо из диалектики марксистской. Мы предложили новую модель диалектики – арифметику третьего знака, диалектическую арифметику. Главное ее преимущество перед гегелевской диалектикой – доступность. И непосредственная связь ее с жизнью. Так воплощается главный завет основателя Советского государства: "Мы можем построить коммунизм только, если средства науки станут доступны массам".

Сейчас большинство историков говорят о царях, правителях: он, мол, был прав, а вот он не прав. Точно так, как судьи в спорте, стремятся, чтоб победил один. Дух индивидуализма. Судит о прошлом, забывая, что тогда было другое время, другая правда. А он считает, что правда всегда одна, та, которой он обладает. А вот как рассуждал историк Т.Н. Грановский. А.И. Герцен объяснил его метод. "Грановский, историк, покорялся течению событий, не поправляя "задним умом" царственные течения, а только раскрывал их смысл. Он любит и зарождающееся, и умирающее, которое он хоронит со слезами. Нигде нет ненависти в его лекциях, он проходил мимо гробов, не оскорбляя усопшего. Именно этот характер преподавания возбудил такое сильное участие общества к чтениям Грановского. Уметь во все века, у всех народов, во всех проявлениях найти с любовью родное человеческое... любовь и сочувствие к побежденному времени (к рыцарству и т.д.)". Метод диалектический, "все действительно разумно". Уважение ко второй правде – прошлого. Нет стремления доказать, что обязательно кто-то прав, а кто-то виноват, третьего не может быть, как современные политизированные историки. Признание "ничьей", третьего знака, реальности, по – Зиновьеву.

Двусторонность связи сверху и снизу, прямой связи с обратной оказалась непосильной для понимания нашей интеллигенции. Вспомните, как обсуждался в интеллигентских кругах вопрос: что такое интеллигенция, кого выбрать представителем, "капитаном команды". Например, дискуссия в Литературной газете. Оказалось не из кого выбирать, нет класса эквивалентности –

единомышленников, нет единого свойства, критерия, вокруг которого ее можно было бы объединить или разъединить, но сделать четко. Для Толстого, Чехова такого вопроса не было. Для них это свойство ясно – искание истины, правды. Толстой главным своим героем признал Правду, Чехов: главное – не лгать. Но это созидательный критерий. Нашей интеллигенции истина подавалась в готовом виде, сверху. А теперь надо самостоятельно искать. Как? Она не знает.

Правдоискательство ей не подходит, капитанами ее Толстой, Чехов не подходят. Нужен современный правдоискатель. Разве не такой Зиновьев? Чтобы уйти от соискательства к правдоискательству, такой и нужен. Это значит перейти на новое качество. Этот переход количество в качество происходит длительно, эволюционно, а нужен скачок.

Как перейти к скачкам? К методу скачков.

Наша трагедия в забвении своего прошлого – с этим согласно большое большинство. Логика Зиновьева утверждает, что верно и противоположное. Может статься, что спасение только в забвении прошлого. Такой выбор был основой метода А.С.Макаренко перевоспитания молодых людей. Две правды есть: помнить и забыть. Важно уметь выбрать то или другое в конкретной задаче. В колонии Макаренко требовалось сразу забыть прошлое колониста, ошибки его прошлого. Что происходит в жизни? Выйдя из заключения, человек не может забыть свой проступок, даже если хочет: на работу не принимают, помнят его прошлое. Проступок, ошибку выражаем числом 1; вспомнили, значит: $1 = 1$, еще раз напомнили: $1 = 1 = 1, \dots$ равенство продолжается пока помнят проступок, ошибку. Если он нашел работу, место, где проступок его забудут или простят, как в колонии, тогда получилось или сразу $1 = 0$, единица перешла в противоположность 0, либо на каком-то шаге единица перейдет в 0, то есть: $1 = 1 = \dots = 1 = 0$. Человек стал другим.

Это закон перехода количества в новое качество. Бывали случаи, когда снова вспоминалась ошибка, если ее не могли забыть, и колониста исключали. Но, в колонии Макаренко была создана такая психологическая Ноосфера забывания прошлого. Можно перейти на такой язык. Равенство $1 = 0$ это полоса третьего знака ширины равной 1, в которой число 1 обладает памятью, она может забыть, что она 1 и вспомнить, что она 0. Аналогично и 0: может вспомнить, что он 1 и снова забыть и стать 0. Эти живые числа, числа с памятью, привел Карл Маркс в одном примере, но его не заметили ни в то время ни в это. Эта полоса $1 = 0$ или коробочка (0;1) или (1,0), как мы знаем, есть класс эквивалентности: $1 = 1:2 = 1:3 = 1:4 = \dots = 0$. Я привел отдельные члены класса.

Смысл: если забыл сразу всю ошибку 1, то и все части ее забыл сразу скачком. Никаких последовательных приближений, которые обозначают эти дроби, нет. Но так как забыть сразу, как Макаренко не каждый может, бывают и частичные прощания, забывания, проверки, например: 1, 1:2, 1:3 = 0. Это значит, постепенно прощали ошибки, а на третьем шаге сразу скачком простили все. Это компромисс, гибрид метода последовательных приближений и метода скачков. Если числом 1 выражать не ошибки, а добро, счастливый случай, тогда $0 = 1$ – иначе, как чудом не назывешь. Появилась единица из ничего. Макаренко превращал воров в честных людей тем же способом, каким наши люди выходили всегда из безвыходных положений – чудом. "Русским" чудом.

Это противоположный метод относительно метода последовательных приближений. Тот же пример, но решаемый методом последовательных приближений, будет выглядеть так: 1, 1:2, 1:3, 1:4, ... до бесконечности, будет иметь пределом 0. Дроби эти никогда в ноль не обратятся, но будут приближаться к нему все ближе и ближе. Без скачков. Идеология – природа не делает скачков – характерна для Запада. Получается, что на бесконечности произойдет переход ошибки 1 в чистую истину 0. Идеал точности в этом случае 0, он не достижим никаким конструктивным инструментом. Поэтому реальное и идеальное разъединены таким образом самим инструментом познания. Это самая большая беда математики, которую приносит ее основной метод отыскания истины – метод последовательных приближений, которую точно, но с иронией выразил Эйнштейн: "Когда математика истинна, она не верна, а когда она верна, она не истинна".

Как видим, он говорит о двух истинах. Одну так и называет истиной – она идеальная. Вторая – с реальным идеалом – названа верной. В арифметике третьего знака так и есть: чем ближе к одному идеалу, тем дальше от другого идеала, и наоборот. Дальше от идеализма, ближе к реализму, и наоборот. Метод отыскания истины –

последовательного приближения к одной истине – идеальной, какой сейчас принят, приводит к катастрофе – разрыву мышления и реальности. Вы это видели на примере. Метод скачков в синтезе с последовательным приближением, как видите, соединяет противоположности и делает мысль реальной, вылечивает точные науки от главной ее беды – разобщения бытия и мышления, как говорят философы.

Логика Зиновьева третьего знака, дополненная арифметикой третьего знака, дает возможность переумнить Запад. Для этого нужно решить задачу, которую на Западе не могут решить на протяжении многих веков. Например задача, связанная с числом π . Древние греки не могли построить циркулем и линейкой отрезок равный этому числу, то есть с помощью этих инструментов начертить отрезок равный длине полуокружности данного круга. Поэтому не могли решить квадратуру круга: построить квадрат, равновеликий (такой же площади) данному кругу. Две тысячи лет эту задачу не могли решить. Наконец, в 1882 году немецкий математик Линдеманн, продолжив метод французского математика Эрмита, доказал, что это число невозможно построить циркулем и линейкой. Выходит, что европейцы переумнили античную цивилизацию. Не в технике, разработке, а умом превзойти – вот такая задача.

Однако, раньше, 50 лет назад до Линдеманна, была решена другая великая задача древности – проблема пятого постулата Евклида, – тоже двухтысячной давности Лобачевским и Больяи. Они тоже переумнили, выходит, античную математику. Но между этими двумя решениями была громадная разница. Действительно, приближенно квадратура круга решается легко. А точно не решается. Ведь приближенно построить число π можно. Обрывая бесконечную дробь, получим конечную дробь, такую дробь построить циркулем и линейкой можно. Учтите, что делаем построения в геометрии реальными инструментами, а мысленно считаем их идеальными. Идеализируем.

Так требует Евклидова геометрия, она задает идеал строгости, он принят и сейчас. Циркуль и линейка у Евклида тоже "чертят" идеальные линии: без ширины, толщины, точку без частей. Никаких полос неопределенности, третьего знака, границы только нулевой ширины, да или нет, третьего не дано. Вот этими идеальными инструментами не могли построить отрезок равный π . И доказали наконец, что этого сделать нельзя. Значит, по Линдеманну, противоположное утверждение о том, что отрезок π можно построить циркулем и линейкой (идеальными), невозможно, неверно, ложно. А Лобачевский и Больяи доказали, что истинен 5-ый постулат и противоположный ему постулат тоже истинен. Они отказали в доверии методу от противного, закону исключенного третьего двузначной логики Аристотеля в своей задаче.

Это признание двух истин в геометрии, но Линдеманн не вышел за рамки одной истины, метода от противного, закона исключенного третьего. Линдеманн доказывал свою теорему методом от противного, методом древних, как это делал Евклид: допуская, пусть решение возможно, тогда следует вот это, а из него вот это и... а это дает противоречие: $1 = 0$. Но это невозможно, абсурдно. Поэтому и предположение, что решение возможно, тоже абсурдно, ложно, а поэтому истинно ему противоположное по закону исключенного третьего. Получается – решение невозможно. Так рассуждал Линдеманн. Так же, как рассуждали древние.

Сопоставим решение Линдеманна с решением Лобачевского, Больяи и трехзначной логикой? Оно неполно, истинно на 50%. Противоречие $1 = 0$ – это не абсурд, как считал Линдеманн, это коробочка, полоса согласия размера, скачка 1. Скачок реальный, прививка дозы 1, внесение ошибки равной числу 1 в систему. Второй идеал, реальный, это разрешает сделать. Таким образом, реальный циркуль и линейка, той или иной степени реальности, уровня, строя число π , решают квадратуру круга. И это тоже точные решения в согласии со вторым критерием точности, который принят в трехзначной логике, как системе с двумя истинами и их синтезе. Вот теперь это решение, истинное на 100%. Дополненное решение Лидеманна, двустороннее, а не односторонне его решение.

Древний мир оставил нам пять великих задач в точной науке, кроме двух рассмотренных. Еще две: задача об удвоении куба (построить циркулем и линейкой куб, объем которого в два раза больше объема данного куба) и задача о трисекции угла (разделить угол на три равные части). Эти задачи так же не поддавались решению древним с помощью циркуля и линейки. Доказано тоже в XIX веке, что это сделать нельзя методом от противного

древних греков, за счет возросшей техники, при той же логике. Придуманы были другие инструменты для их решения. Но древние это знали. Приближенные же способы решения этих задач известны с древних времен с той или иной точностью. Теперь мы переводим их в трехзначные решения для реального циркуля и линейки с полосой шириной, равной данной точности, получаем точные решения данного уровня. Таким образом, получаем новые решения этих задач, расширенные решения, но точные решения, у нас теперь две истины, две точности. Хотите иметь свою индивидуальную точность, ваше желание будет исполнено – выбирайте свой уровень, например 0,001.

Мы подошли к пятой знаменитой проблеме древних – перпетуум мобиле. Для этого разберем подробней метод скачков на примерах.

Равенства математические и неравенства, вначале появились из счета на пальцах. Потом числа оторвались от реальности и зажили своей собственной жизнью. Разрыв привел к катастрофе в наше время. А предсказывали его и Достоевский с Толстым и Ленин. Сейчас важнейший вопрос, как снова соединить мысль и реальность. В этом все дело – считал Эйнштейн. По этому пути мы и пошли, соединив реальные числа – приближенные, сделав их точными в новом понимании, в новой реальности, как сказал бы Зиновьев, в реальности третьего знака, как говорим мы. В ранних работах в нашем журнале, мы отошли от индивидуализма в мире чисел, ввели общинные, коллективные числа в единстве с их противоположными индивидуальными, выбираемыми, как своих вождей в коллективах. Я назвал эти числа коробочками, помня название Толстого. Теперь это коллективно-индивидуальные числа, а если выбор не сделан, то просто коробочки. Раньше, в других работах, я рассмотрел их психологический, нравственный смысл.

А сейчас скажем о другой их стороне. Что обозначает одностороннее число 70 км – нам понятно. Это расстояние в обычном физическом пространстве. А что обозначает число 70 км = 0 км или (70;0) км в другом обозначении? А 70 км = 30 км, или (70;30) км? Двусторонние расстояния. Например, с сыном или дочерью случилась беда, мать ощущает ее, как будто он, она рядом с ними. Этот феномен хорошо известен в психологии. Здесь два расстояния, первое 70 км, второе – 0 км. Два пространства – физическое и психологическое, и их синтез. Физическое событие передается по психологическому каналу, минуя путь физический длиной 70 км – это и есть двусторонний путь (70; 0) км. Переход из физического в психическое пространство происходит скачком, что и выражает это число-скачок. Ноосфера по Вернадскому в точном его понимании. А если рассмотреть время: 70 лет жизни прошли в течение нескольких минут, секунд, когда человеку предстала смерть. Также двустороннее время. Скачок времени. Бывает в мгновение: (70, 0) лет. По формуле: $P = 70$ лет, не $P = 0$ лет, не (не P) эквивалентно синтезу $70 = 0$, числу-скачку (70, 0). Да, но существует ли такая передача мысли? На практике существует как феномен. А в теории? В системе с двумя правдами, в двусторонней системе существует. Хотите знать с высшей точки зрения.

Вот – одна правда – все действительно разумно. Вторая правда – противоположная – все разумное действительно. Теперь они одновременно существуют в полосе: и та и та, как новая реальность в расширенной области. Одна правда распространяется по действительноному физическому каналу, вторая по психологическому каналу мысли.

А синтез? Разум вытекает из действительности, и действительность вытекает из разума. Таков синтез. Тавтологии, замкнутого круга здесь нет – это двустороннее вытекание. Из действительности 0 вытекает эволюционно, последовательно, разумное 0. Происходит скачок, порожденный эволюцией 0 и разумом, пришли к противоречию. Разум 0 отывается от действительности 0 и становится разумом 1, а он порождает действительность 1; возникает противоречие между ними. Оно порождает скачком разум 2, который порождает действительность 2, они порождают разум 3 из-за противоречия между собой, и так дальше; образуются новые уровни расширенного разума, уровни сознания и новые уровни действительности, реальности. Таков путь развития, в котором осуществляется синтез эволюции и скачков. Так возникает новое качество.

Раньше говорили: с помощью закона диалектики перехода количества в качество. Как вода переходит в пар при нагревании. Но как может только количество родить, другое качество, а не количество. Количество рождает количество. Крокодил рождает крокодила, а не журавля.

Нужен скачок. Новое качество рождается скачком. А скачок это ошибка. Мутация. Ввести скачок в систему это ввести в нее ошибку. Метод Пастера прививок. Ввести и "вывести" ее, расширив систему, "проглотив" ошибку.

Пример. Пройти путь 70 км, значит пройти 70 посредников по 1 км каждый одного за другим, приближаясь к цели. Метод последовательных приближений. Как пройти этот путь без посредников, или с наименьшим их числом? Нужен метод скачков. Мать почувствовала боль детей сразу, непосредственно, скачком (70, 0). Никаких посредников. А вот компромисс: первые 10 км последовательно пройдены, следующие 10 км скачком 10 = 0 или (10, 0), потом последовательно, а последние 5 км скачком 5 = 0, (5, 0). Результат 70 = 55, число (70, 55).

Пример из другой области. Понять что-то одним умом – этого мало. Умом и чувством – двустороннее понимание – у нас считали раньше настоящим пониманием. Чувство ограничивало мысль, ум, управляла им. Современная доктрина математики (Бурбаки, Колмогоров) чувство исключает, в преподавании наглядность допускают как слугу. Доктрина односторонняя, можно ли поумнеть, находясь в ее власти? По определению, которое дано выше, можно только вопреки нее. Рассуждать – значит, переходить от посылки к следствию, от него к другому следствию последовательно – это работа ума, памяти, сознания. Не расширенного, обычного сознания. А если перейти в расширенное сознание, включить чувства. Например, сразу перейти от производителя к потребителю, как от 70 к (70, 0). Сократить число посредников – значит вводить скачки, чувства, перепрыгивая этим посредников. Средство борьбы с бюрократизмом, коррупцией. Столько теорем можно и нужно сократить в школьной, вузовской, научной математике, так как они обслуживают сам научный аппарат, а не само знание. От них страдают и дети, и взрослые, становясь жертвами аппарата, страдают от теорем-чиновников. От людей-чиновников, которым усложнение аппарата – это их хлеб насущный.

В работе "Левая идея и русская идея" в журнале «Геополитика» я провел сокращение в школьном учебнике геометрии, выбросил диалектически то, что обслуживало сам аппарат, усложняло его, чтобы поднять значение теорем важных, принципиальных. Кто хочет последовать этому примеру, должен помнить расширенную логику Зиновьева. Вопрос ему: Вы за то, чтобы убрать посредников? Ответ: и да, и нет. Если не знаете, чем их заменить, пусть остаются. Вначале сделайте сокращение в арифметике, в геометрии – покажите, на что вы способны, а тогда делайте с людьми. Тогда от умственной области переходите к реальной. Вопрос: Вы против коррупции? Ответ: и да, и нет. Представьте, сейчас на территории бывшего Союза, сразу отменить коррупцию? Что будет? Все рухнет. Это же стимул, а где его замена? Метод скачков. Так об этом и идет речь. Как найти для коррупции тормоз, оппозицию? Она расширяется как опухоль. Как заставить ее не расти, сокращаться, исчезать?

Теперь мы знаем. Прививка той же самой болезни, коррупция против коррупции. Вот страна погрязла в коррупции: этот кум, эта кума, семья, родня, друзья, дорогие люди, свои люди. Как вылечить? А если все вдруг станут дорогие, родные, свои? Введите коррупцию для всех людей вашей страны. Тогда коррупция исчезнет. Коррупция по отношению к коррупции, к ней самой, становится новым отношением – братством и любовью. Закон перехода количества в новое качество: любое дело, мысль, доведенное до предела, переходит в свою противоположность. А где ее взять – братство и любовь на всех? А расширенный разум, его логика, его арифметика? Братство и любовь входят в саму арифметику.

Посмотрите мою работу "Между Сциллой и Харибдой". Я решал уравнения школьные, какие угодно с помощью любви и братства. Не подходит? Слишком радикально? Тогда так, как в указанной выше работе, я сокращал посредников, аппаратные теоремы, вводил власть снизу, как народный контроль, то есть ввел в геометрию индукцию в синтезе с дедукцией. Для чего? Чтобы устранить жертвы самому аппарату обучения, а не самому знанию. Логика, природа взятки – состоит в жертве аппарату, какой обслуживает знание, обучение внутри самого метода сообщения знания, обучения. Вокруг знания в самом методе собралось масса научного мусора, наукообразия, от которого нужно избавиться. Не устранив внутреннюю коррупцию, не устранив внешнюю коррупцию. Так был очищен от внутренней коррупции учебник геометрии в указанной выше работе. Восстановлена власть снизу в обучении. Восстановлена двусторонность власти учителя и ученика, как реформа во

время войны восстановила двусторонность власти командиров, начиная от самой Ставки и их подчиненных.

Психокинез. Мы знаем, что есть люди, которые могут передвигать предметы действием своего духа. Это тоже пример ноосферы, когда дух человека влияет на физическое пространство, так возникает психологическое пространство, и вместе с физическим, создается двустороннее пространство и время, в чем мы убедились на примерах. Вот он сдвинул предмет и передвигает его вдоль стола. Как будто есть сила F , которая сообщает ему ускорение A по закону Ньютона: $F = m \cdot a$, m – масса предмета. Но в действительности силы F никакой нет. Получается: $0 = m \cdot a$, притом, ни m не равна 0, ни A не 0. Правая часть есть какое-то число, неравное нулю. Для определенности, возьмем его единицей. Получаем – абсурд $1 = 0$.

Абсурд двузначной логики, но верное равенство – тождество двух противоположностей – трехзначной логики. Больше того, можно восстановить силу не в физическом пространстве, а в духовном, психологическом (в локальной Ноосфере). Пусть она также обозначается F , но смысл ее другой. Древние индийцы называли ее Праной. А у нас откуда она берется? Из основного закона: $P = \text{не } P$, $\text{не } P = \text{не } (\text{не } P)$ и снова восстанавливается P в расширенном варианте. Так снова восстанавливается закон Ньютона по закону двойного отрицания трехзначной логики. И переходу от разумного к действительному, тоже расширенному действительному.

Равенство $0 = m \cdot a$ или $0 = 1$ противоречит законам сохранения физики – создается движение из ничего. Закон сохранения вытекает из закона Ньютона $F = m \cdot a$. Это физики хорошо знают. А вот когда он нарушается, как на приведенном примере, взятом из жизни, когда движение возникло из ничего. Что делать? Или выбрасывать закон движения физики или примеры из жизни, которые им противоречат? Ведь третьего не дано в двузначной логике.

Физики считают законы сохранения физическими истинами, а противоположные им – нарушение этих законов – это запрет физический, табу, ложь физическая. Односторонность: 50% истины. Двусторонняя истинность содержит остальные 50% истинности в расширенной трехзначной логике, так как есть и другая правда, когда противоположное утверждение – истинность законов несохранения – тоже истина. Трехзначная логика не выбрасывает ни то ни другое, она расширяет закон Ньютона, расширяет область его приложения для новой реальности, из которой мы брали указанные примеры.

Наряду с законами тяготения Ньютона истинны и законы антитяготения. Есть люди, кто умеет подвешивать предметы в воздухе. Предмет перед ним повисает. А что скажет закон тяготения Ньютона: $P = m \cdot g$ (масса умноженная на ускорение свободного падения равна силе тяжести)? Это же невесомость $P = 0$, отсюда $0 = m \cdot g$, равенство типа $0 = 1$. Нарушение закона сохранения. Что говорят физики на этот счет? В лучшем случае разведут руками. А большинство повторяют: этого не может быть, потому что этого быть не может. Ермолаев – есть такой экстрасенс – мол, мошенник – долой его. От знаний не только умнеют, но и тупеют, когда они стали догмой. (Физикам надо помнить Пушкина: "Хотите знать? Будьте гением". Ах, вы не гений? Тогда будьте терпимее, мягче). Вес предмета исчез скачком, а не последовательным приближением к нулю. Как оно может исчезнуть? Здесь участвует, наряду с физическим пространством, и противоположное ему – психологическое пространство, созданное Ермолаевым, Ноосфера по Вернадскому. А если скажут: легкие предметы еще можно допустить, как у Ермолаева и других аналогичных людей, а $70 \text{ кг} = 0 \text{ кг}$ – нельзя осуществить. Но осуществил же Петр, идя по озеру к Христу, когда поверил ему, что не утонет, идти можно. Для физиков это не аргумент, для них это фантазия. Все равно, что поднять себя за волосы.

Перпетуум мобиле невозможен. Да, но теперь он имеет логическое обоснование в трехзначной логике, что это возможно. Но, чтобы это принять, физику придется вводить скачки в законы тяготения. Это для них проблема из проблем – как это сделать, не нарушая всего здания физической науки? Мы это сделали обходным путем, через математику. Физика записывает свои законы математическими формулами. Так вот, сами математические формулы, числа, переменные, входящие в них, должны допускать скачки, быть построены на логике скачков. На трехзначной логике, на диалектике, как сама природа физическая и психологическая. Это и есть осуществление тождества математики и физики, тождества: мысль – реальна. То есть тождество: все действительное разумно и все разумное действительно. Вернулись к старику Пифагору: "Все есть число". Таким

образом, двусторонняя правда, не боится парадоксологии, она служит ее обоснованием. Чудеса превращений, скачки, содержит сама логика.

Мы поставили задачу понять логику Зиновьева. В этой логике – хочешь понять что-то, умей его продолжить. Мы понимали марксизм? Но продолжить его не смогли. Плохо понимали. Вначале понимали, построили на основе диалектики великое единое государство – СССР. Не стало диалектики, не стало государства СССР. Вот откуда пессимизм Зиновьева. Не стало для него идеала, какая идеология без идеала? Его слова: "Советская государственность была вершиной русской идеи". Разве не это его идеал? Был бы, но не стал идеалом. Почему? Он не достигим. Его учение неполно, не дает возможности его достигнуть – он это хорошо понимал. А цель – переумнить Запад? Для этого "нужно сделать прорыв в мировой культуре" – как он говорил. Мы продолжили его учение. Показали, как модернизированная диалектика, трехзначная логика решает задачи, о которых наука, основанная на двучной логике, не могла и мечтать.

Еще раньше я привел решение знаменитой проблемы Ферма (в статье "Между Сциллой и Харибдой"). Решение двустороннее, а не одностороннее, как у англичанина Уайлса. Чтобы понять, хотя бы только умом, его решение, нужно закончить матфак университета и аспирантуру. То, что предложено нами, доступно школьнику, хотя оно и основано на трехзначной логике. Двусторонняя логика (не путать с двучной) это логика русской идеи, я об этом говорил в своих прежних работах в нашем журнале. Такая продолженная логика Зиновьева, действительно дает метод построения государства. Ведь на диалектике марксизма строился СССР. Метод есть, чтоб его построить, или восстановить, Такой идеал – возврат к Советскому государству на основе диалектики трехзначной логики, стал реальным.

Для большинства нашего народа – это его идеал. Простой и доступный для его понимания. Есть идеал, есть цель, и есть средство выполнения. Теперь мы хорошо узнали метод Запада – метод последовательного приближения – односторонний метод. Иначе говоря, метод усложнения. Основное зло нашей цивилизации. Все большая детализация, все больше подразделений, разделения, больше баракла, не комфорт для человека, а человек для него. Действительное перешло за границу разумного. Нужна оппозиция, тормоз, противоположное – все разумное действительно, расширенный разум, обходящий посредников – метод скачков. Это остановит беспредельное наращивание. Накручивание везде: в экономике, в образовании, обучении, в медицине. Мировой кризис его результат. Метод скачков переводит сложное в простое, убирая посредников, упрощая производство, во всех областях жизни, в промышленности, науке, обучении, лечении. Тот, кто не может решить просто, ищет решение в сложном. Односторонность логики вынуждает цивилизацию идти этим путем.

Главное противоречие нашей жизни, главный тормоз жизни – смерть. Катастрофа неизбежна. Говорит человек – на что мне истина? Все равно – умру. Какие же истины: двухзначные, трехзначные, какой идеал, если будет смерть? Сколько лет будут жить люди в новом Советском Союзе? Что скажет новая двусторонняя правда, трехзначная логика, как обновленная диалектика, о жизни и смерти?

Пусть задана одна правда, значит и одна ложь. Задается полоса неопределенности. В ней ложь тоже может быть правдой, а правда ложью. Теперь есть две правды и две лжи. Синтез в полосе дает продолженную правду и продолженную ложь. Правда продолжена ложью, и ложь продолжена правдой.

Получается триада одна и вторая:

правда – неправда – правда (другого уровня, расширенная)

неправда – правда – неправда (другого уровня, расширенная).

На Востоке эта связь является основой их философии и дается в таком виде: объект и субъект заданы в процессе их соединения, синтеза.

Таким образом, не было бы неправды 1, не было бы продолжения правды 1 в правду 2, расширенную правду. Правда 2 "не боится" неправды 1, она ее содержит, она преодолела ее и противоречие, полученное от нее. Получается, что неправда 1 не только прекращает действие правды 1, ограничивает ее, как ее оппозиция, но и продолжает ее. Процесс продолжается: правда 2 встречается с ее неправдой 2, ограничивается ею, но и продолжается с помощью синтеза до правды 3 и т.д. Образуются новые уровни правды, новые уровни

неправды. Получается двусторонняя спираль. Одна спираль продолжает одну триаду, другая другую. Синтез соединяет разные правды, разные лжи, а поэтому соединяет переходами разные ветви двух спиралей. Общую формулу триады мы уже записали: P – не P – не (не P). Последний член ее с одной стороны есть прежнее P, с другой – его расширение.

Пусть P есть здоровье, не P – болезнь, тогда не (не P) – болезнь болезни (та же болезнь, что у P). А это возврат к P – к здоровью. Вылечение. Здоровье при этом расширилось. Болезнь вылечивается болезнью, той же самой болезнью, но примененной непосредственно не к организму, а к самой болезни. Такова идеология лечения в трехзначной логике. Болезнь – как средство продолжить жизнь. У рака есть свой рак. Этот двойник рака вылечивает от рака.

Вы видите, что это продолжение метода Пастера лечения прививкой (бешенство-прививка вылечивает бешенство). Никакой триады нет в медицине для неизлечимой болезни – смерти. Диада: жизнь оканчивается смертью, жизнь – смерть. А дальше что? Но это в двучной логике. А формула трехзначной логики: жизнь – смерть – жизнь (расширенного сознания). Значит снова жизнь, но не бессознательная, а сознательная, с расширенным сознанием. Оказывается, смерть не только прекращает жизнь, но и продолжает ее при сохранении сознания, сознания тоже продолженного. У смерти у самой есть смерть. Смерть тоже смертна. Формула продолжения многократно (неограниченно) продолжается. Так смерть 5 устраняет смерть 4 (от нее она умирает), значит, продолжает жизнь 4 в жизнь 5.

Жизнь продолжается и смерть продолжается, расширяется. Выходит, что расширение смерти нужно для расширения жизни. Расширяются каждая по своей спирали, но в едином синтезе. Смерть 5 продолжает, следовательно, жизнь до 500 лет, ведь каждая смерть продолжает ее на 100 лет округленно. Фантазия? Нет. Логика расширенного разума. Разумное действительно.

Продолжение жизни – эта древняя мысль становится реальной. Вот теперь можно заявить, что на такой основе Советский Союз будет восстановлен. На основе прорыва в науке. Его идеал совпадает с вечной мечтой людей – продолжения жизни человека. Это великий идеал. Новый Союз людей будет построен на той же правде, той жизненной основе, которая продлевает жизнь человека. Интересно, кто будет против такого Союза. Пессимизм Зиновьева переходит при таком идеале в его противоположность – в оптимизм...

Я на этом закончу свой рассказ, посвященный 90-летию Александра Александровича Зиновьева и одновременно 220-летию его великого предшественника Николая Ивановича Лобачевского, первого вступившего на путь двусторонней правды. Так случилось, что их юбилеи совпали в прошедшем году. ▲